

Хотя они стояли отдельно, находившиеся неподалёку У Гуй и Чэнь Юань всё равно могли их видеть.

Заметив, как Чжун Цинлин опустила голову и непрерывно вытирает слёзы, Чэнь Юань насторожился и хотел подойти посмотреть, что случилось.

Чжун Цинлин, увидев это, поспешно вытерла слёзы и попыталась взять себя в руки.

Она кивнула Линь Сюэцэ:

— Спасибо, что рассказали мне всё это. Я буду думать.

Чжун Цинлин была замужем уже шесть лет, а если считать ещё и время отношений — её, по сути, почти семь лет подвергал психологическому насилию тот самый жестокий муж.

Семь лет домашнего насилия — и она так и не развелась. Это говорило о том, что в душе она была женщиной крайне традиционной.

Укоренившиеся убеждения невозможно изменить за один день.

Видя её нестабильное состояние, Линь Сюэцэ не стал говорить лишнего — он понимал, что сможет лишь постепенно, со временем, мягко направлять её.

Был уже послеобеденный час. Понимая, что время позднее, Линь Сюэцэ и У Гуй попрощались с ними и уехали домой на машине.

После их ухода Чэнь Юань подошёл к Чжун Цинлин, поднял руку и жалобно сказал:

— Мам, у меня рука холодная...

Чжун Цинлин тут же присела, чтобы согреть его ладошку.

Но в следующий миг Чэнь Юань аккуратно приложил свою холодную маленькую руку к ране на её лице и тихо сказал:

— У меня рука холодная — пусть маме будет как лёд. Если чуть-чуть подуть, то уже не будет больно.

Глядя на его личико и вспомнив слова Линь Сюэцэ, Чжун Цинлин едва удержала эмоции — они снова почти вырвались наружу.

Никто не рождается мазохистом. Каждый удар — это как кошмар.

Все эти годы Чжун Цинлин жила будто в бесконечном кошмаре: как бы она ни билась, как бы ни пыталась выбраться — проснуться не получалось.

Когда Чэнь Сянхуэй избивал её, это всегда сопровождалось грязными словами, унижениями, бесконечным растаптыванием её достоинства и человеческой ценности.

Иногда Чжун Цинлин казалось, что она — просто живой труп, механически существующий в этом мире без всякого смысла.

Единственное, что удерживало её — это ребёнок перед ней.

Ему всего пять лет, к тому же он с врождённой инвалидностью. Что с ним будет без полноценной семьи?

Ради ребёнка она и терпела все эти годы.

И только сегодня она поняла: её терпение не стало для него тихой гаванью — наоборот, оно принесло ему ещё больше боли.

Чжун Цинлин не сдержалась — прижала Чэнь Юаня к себе, и слёзы снова хлынули потоком.

Но на этот раз, несмотря на рыдания, внутри неё было нечто иное — уверенность и решимость.

Когда Чэнь Юань пропал на два дня, ей казалось, что её мир рушится, что небо падает на голову.

Она боялась даже представить, что будет с ней, если она действительно потеряет ребёнка.

Она могла ради него терпеть годы насилия.

Значит, ради него же она сможет и выйти из этого ада.

— Юань-Юань... ты специально изображал «призрака», чтобы все испугались и не осмелились зайти внутрь тебя искать, да? — хрипло спросила она.

Услышав, как плачет мама, Чэнь Юань обнял её, его маленькая ладошка мягко похлопывала её по спине.

Он кивнул:

— Угу.

Чжун Цинлин сквозь слёзы улыбнулась:

— Ах ты маленький хитрец... знал, что все боятся призраков. Но ты угадал — мама тоже страшно боится, очень-очень. Боюсь, что призраки утащат нашего Юань-Юаня.

Потом она тихо добавила:

— А ты знаешь, что мама больше всего любит?

Чэнь Юань с любопытством посмотрел на неё:

— Не знаю. Что мама больше всего любит?

Чжун Цинлин, глядя на его наивное личико, наклонилась и поцеловала его в лоб:

— Мама больше всего любит зайчиков. Особенно белых. Белая шерстка, розовые ушки... самые-самые милые.

Чэнь Юань замер.

Хотя он был всего лишь ребёнком, из-за своей тонкой, чувствительной природы он был куда более проницателен, чем обычные дети.

Почти мгновенно он понял, что она имеет в виду.

Мама знает его тайну.

И... мама принимает его.

Уголки его губ сами собой приподнялись, в больших круглых глазах словно зажглись звёзды.

Он смотрел на неё с восторгом и неверием:

— Правда?..

Чжун Цинлин медленно, но твёрдо кивнула:

— С этого дня мама будет жить вместе с маленьким зайчиком. Только мы вдвоём. Хорошо?

— Хорошо! — Чэнь Юань сразу же радостно согласился.

Увидев, что он не упомянул отца, Чжун Цинлин окончательно приняла решение.

Из пригорода до центра города было довольно далеко.

Когда вечер начал уже опускаться на город, Линь Сюэцэ и У Гуй наконец вернулись в район вилл в центре.

В этот момент телефон У Гуя вдруг тихо вибрировал.

Это был его личный номер — обычно туда никто не писал без особой причины.

Он был за рулём и сказал:

— Малыш, посмотри, пожалуйста, кто мне написал.

Линь Сюэцэ взял телефон, открыл сообщение — и увидел, что оно от Чжун Цинлин.

□Чжун Цинлин: Спасибо вам. Я уже нашла адвоката и буду начинать готовить документы на развод. Чэнь Юань сказал, что хочет сменить фамилию. Независимо от того, согласится ли в итоге Чэнь Сянхуэй на смену фамилии, с этого дня его будут звать Чжун Юань.□

К сообщению была прикреплена фотография: малыш делал селфи, держа в руках лист бумаги, на котором аккуратным детским почерком были выведены два иероглифа — Чжун Юань.

У Гуй, услышав, как Линь Сюэцэ прочитал сообщение, не удержался и наклонился посмотреть на фото.

— Ого, какой довольный. И не скажешь, что это тот самый красноглазый заплаканный бедняжка, — усмехнулся он.

Линь Сюэцэ тоже не смог сдержать улыбки.

Он не ожидал, что Чжун Цинлин так быстро всё осознает.

Столько лет терпения — и как только она поняла, что такая семья причиняет ребёнку ещё больше боли, решение было принято сразу.

Линь Сюэцэ думал, что придётся долго её убеждать, но в очередной раз недооценил силу материнской любви.

Такая форма родственной привязанности была для него почти чуждой.

В прошлой жизни он был сиротой.

А семью Линь в этой жизни... лучше и не вспоминать.

В груди у него смешались лёгкая грусть и тихая зависть.

В этот момент У Гуй, сосредоточенный на дороге, не заметил его выражения лица. Увидев, что солнце начинает припекать, он сказал:

— Если хочешь пить — в машине есть вода и фрукты, возьми сам, поешь.

Линь Сюэцэ на мгновение замер, глядя на профиль У Гуя, и почувствовал, как по сердцу разливается тёплая волна.

Да, у него нет родителей.

Но, к счастью, небо всё же было к нему милостиво.

У него есть У Гуй.

Есть множество друзей.

Они не связаны кровью — но ближе, чем родные.

У Гуй заметил, что Линь Сюэцэ задумчиво смотрит на него:

— Малыш, что такое?

— Ничего, — улыбнулся Линь Сюэцэ и снова опустил взгляд на телефон.

Чжун Цинлин решила уйти от подонка — и малыш был искренне счастлив.

Она только приняла решение, а он уже спешил сменить себе имя.

Но...

Имя Чжун Юань почему-то казалось знакомым.

— В оригинале, кажется, был персонаж по имени Чжун Юань... антагонист, — задумчиво произнёс Линь Сюэцэ.

— Антагонист?! — изумился У Гуй.

Линь Сюэцэ начал вспоминать:

— Он появляется в более поздней части сюжета. Пятнадцатилетний гений, мировой топ-хакер Чжун Юань. Замкнутый, одержимый, психически нестабильный. Он собственными руками убил своего отца-убийцу, потом сбежал за границу. Из-за его гениальности как хакера никто так и не смог его найти. В оригинале он был странным, непредсказуемым, полностью неадекватным персонажем, доставившим Линь Цинтяню кучу проблем в бизнесе. Общепризнанный безумец...

По канону оригинала мать Чжун Юаня так ни разу и не появилась.

Зато отец был преступником и убийцей.

А значит, кого именно он убил — было более чем очевидно.

Иначе говоря, если бы Линь Сюэцэ и У Гуй не вмешались, всё шло бы к тому, что усиливающееся насилие со стороны Чэнь Сянхуэя в итоге могло бы привести к смерти Чжун Цинлин.

А после её гибели Чжун Юань — ребёнок, выросший в атмосфере постоянного домашнего насилия, — окончательно сошёл бы с ума.

После убийства отца он стал беглым преступником, серийным убийцей, обладающим технологиями хакера мирового уровня. Параноидальный, одержимый, безумный — он в итоге пришёл к полному саморазрушению...

Этот финал холодом прошёлся по сердцу Линь Сюэцэ.

Он просто не мог связать образ Чжун Юаня из оригинала с этим маленьким, милым «зайчиком».

Подумав об этом, он сразу же взял телефон У Гуя и написал Чжун Цинлин, попросив её быть осторожной и беречь себя.

Ответ пришёл почти мгновенно.

□Чжун Цинлин: Огромное спасибо за вашу заботу. Я найму телохранителей — круглосуточная охрана для меня и Чжун Юаня. Также я планирую возвращение в публичное пространство, хочу снова выйти в медиаполе, под свет софитов. Под общественным вниманием и контролем мне будет проще и быстрее полностью разорвать с ним все связи.□

Прочитав сообщение, Линь Сюэцэ облегчённо выдохнул.

В оригинале мать Чжун Юаня была безымянным «фоновым» персонажем — актриса, давно ушедшая со сцены, о которой, кроме людей старшего поколения, уже никто не помнил.

Повествование велось с точки зрения Линь Цинтяня — тех, кого он не знал, в тексте просто не существовало.

Но если Чжун Цинлин действительно вернётся на экран, траектория событий неизбежно

изменится.

А значит, может измениться и будущее.

Взгляд Линь Сюэцэ задержался на фото — на милом личике малыша:

— Похоже, он, как и я, не «переселился» в книгу, а изначально является частью мира оригинала... поэтому и стал родным сыном Чжун Цинлин...

А то, что у него появилось ушко и звериные лапки, было совсем несложно объяснить.

Линь Сюэцэ тоже «попал в книгу», но с момента пробуждения сознания он уже был Королём демонов.

— Зайчик... и вдруг антагонист? — ошеломлённо пробормотал У Гуй.

— Это самая логичная версия, — спокойно сказал Линь Сюэцэ. — Она объясняет не только происхождение Чжун Юаня. Самое важное — вспомни: Чжун Цинлин рассказывала, что после исчезновения ребёнка она обратилась в полицию, и полицейские зашли в дом искать его. Но они попали в «неправильное пространство» — планировка дома полностью отличалась от реальной. Она указала на это полиции, потребовала тщательной проверки. В итоге полиция подняла архивы и заявила, что по документам это и есть её дом. Все доказательства были на месте — и Чжун Цинлин даже начала сомневаться в собственном рассудке...

У Гуй тут же подхватил мысль:

— То есть она не сошла с ума, полиция действительно проверяла документы... просто записи о недвижимости были подделаны? Не с помощью сверхспособностей, а через взлом компьютерных систем?

Он присвистнул:

— Данные о домах хранятся у застройщиков. Защита там не топовая, но всё же... ему всего пять лет, а он уже способен на такое. Наш «зайчик» — это сценарий гениального ребёнка.

У Гуй, сделавший состояние в сфере недвижимости, прекрасно понимал, насколько это серьёзно, и впервые по-настоящему осознал масштаб таланта Чжун Юаня.

Если в пять лет он уже может взламывать системы застройщиков и менять данные, то стать мировым хакером к пятнадцати — более чем закономерно.

Контраст между милым детским личиком и будущим образом гениального антагониста был настолько сильным, что Линь Сюэцэ не сдержал улыбки.

У Гуй тут же оживился:

— А я? Ты вспомни сюжет — в оригинале я вообще появлялся? Я, случайно, не супер-мега-главный злодей?

Глядя на его полные ожидания глаза, Линь Сюэцэ неловко ответил:

— Эм... возможно, был. Просто я не очень хорошо помню.

У Гуй сразу всё понял — это была вежливая «поддержка имиджа».

Если бы он действительно появлялся в оригинале, Линь Сюэцэ давно бы об этом сказал.

— Ну и ладно, — фыркнул У Гуй. — Не был — значит, добавлю себе роль! Буду большим злодеем и заставлю семью Линь почувствовать, каково это — когда тебя давят!

— Линь Цинтянь всё-таки главный герой, — осторожно сказал Линь Сюэцэ. — С ним надо аккуратнее.

— Спокойно, малыш, я знаю меру, — усмехнулся У Гуй.

И в этот момент, словно по всем канонам жанра, машина выехала за поворот и остановилась у ворот виллы.

И тут они увидели то, чего совсем не ожидали.

Тот самый Линь Цинтянь, о котором они только что говорили, стоял у входа в особняк У Гуя и о чём-то разговаривал с женщиной — стройной, изящной, с чистой, но одновременно соблазнительной внешностью.

<http://bllate.org/book/14966/1342374>